

Сергей Майдуков

С риском для жизни

Часть первая. Холодно, холодно...

I

Октябрь вступил в свои права — так написал бы какой-нибудь писатель, привыкший к штампам. На деле это означало, что лили дожди, было холодно, а в городе все еще не топили, ссылаясь на некие таинственные постановления городских властей.

Выпивать приходилось в куртках. По ногам шла теплая волна из электрообогревателя, однако руки, державшие одноразовые вилки и стаканчики, мерзли. Рук было две пары. Обе мужские. Одна пара принадлежала Вячеславу Мечникову, Вячику, директору салона торгового оборудования. Напротив сидел его хороший приятель и бывший сокурсник Игорь Красозов, заглянувший, так сказать, на огонек.

Салон действительно сиял огнями, отчего сумерки за окнами казались не вполне реальными, как будто существовали лишь для декорации. Но на самом деле там, за стеклом, и находился большой, настоящий мир, а внутри магазина все было

условным, надуманным. Все эти холодильные шкафы и витрины, кофеварочные машины не значили для вселенной ровным счетом ничего.

— Ну как ты вообще? — спросил Вячик, когда выпили по второй и закусили ветчиной с маринованными грибочками.

Он носил старомодные рыжеватые усы, которые, по его мнению, должны были вызывать доверие клиентов, был полноват и имел такое выражение лица, словно ему все время приходилось делать над собой усилие, чтобы держать глаза открытыми.

— Я? Нормально, — ответил Игорь, хрустя крохотным огурчиком из банки.

Худой, высокий, темноволосый, слишком смуглый для этой поры года, он смахивал на персонажа индийского кино, чудесным образом перенесшегося в пасмурную октябрьскую реальность.

— У меня тоже все отлажено, — похвастался Вячик, наполняя стаканчики едко пахнущей водкой. — Пятый год здесь руковожу. — Он бросил взгляд на все эти блестящие штуковины, которые наполняли зал, постепенно теряясь во мраке. — Помощники, правда, туповатые, но мне умные и не нужны.

— Блудешь свой интерес? — сдержанно улыбнулся Игорь.

Одетый во все черное, он выглядел не то чтобы мрачным, но каким-то напряженным. Как будто все время ждал чего-то или был поглощен своими мыслями.

— А как же! — ответил Вячик, не всматриваясь в лицо приятеля. — Там скидочки занизишь, там транспортные расходы завысишь. Приличные суммы набегают. Каждый месяц вторая зарплата. А то и третья...

Не дожидаясь Игоря, он залил содержимое стаканчика себе под усы, на мгновение прикрыв веки. Закуска, предусмотрительно наколотая на вилку, тоже отправилась в рот. Игорь подождал, пока приятель прожует, и сообщил:

— Я, честно говоря, не просто так к тебе зашел.

Свою порцию он не выпил, задумчиво вертя полный стаканчик на столе.

— Я так и понял, — кивнул Вячик, обеими руками разглаживая усы. — Но в долг не даю. Принцип. Да и нет у меня свободных денег. Квартиру взял в кредит, а это сам понимаешь... — Он навалился на стол грудью, изображая полную открытость и откровенность. — Супруга моя как та старуха из «Золотой рыбки». Ничем не удовлетворишь, даже этим. — Он сделал непристойный жест. — Украшения, тряпки, машина, теперь вот квартира. И все ей мало, все не

так.

— Вот я и не женился до сих пор, — кивнул Игорь. — Так спокойнее.

— Завидую тебе. — Вячик снова сел прямо. — Но и в семейной жизни тоже свои плюсы имеются. Накормлен, ухожен, всегда есть кому вставить. — Он разгладил усы, на этот раз пальцами одной руки. — Так что у тебя за дело, Игорек?

— Дело? Да это и делом-то не назовешь...

Игорь усмехнулся, пожав плечами. Это была игра. Он заявился к Вячику не просто так. Игорь Красозов был кидалой, профессиональным аферистом, проворачивающим сделки таким образом, что другая сторона оставалась либо без денег, либо без товара, это уж как кому не повезет.

Искусству «кидняка» Игоря обучили в одной фирме, которая, как выяснилось, была лишь прикрытием для криминальной структуры, именуемой в полиции ОПГ, а в народе — бандой. Он попал туда по юношеской дурости, а порвал связи с братвой много лет спустя, когда завалили главаря и начался планомерный разгром группировки. Одних вязали и отправляли на нары, других отстреливали, как бешеных собак, третьи разбежались и залегали на дно.

С тех пор Игорь и мотался по свету, никак не решаясь обосноваться на одном месте. Серьезных

преступлений он не совершал, но могли найтись какие-нибудь «разведенные на бабки» бизнесмены, желающие предъявить претензии. Пока был жив авторитет, возглавлявший группировку, коммерсанты, ставшие жертвами аферистов, были вынуждены помалкивать и мириться с таким положением вещей. Но с тех пор много воды утекло. Правила игры изменились. Бандиты оказались вне закона, а барыги, платившие им дань, обзавелись покровительством силовиков и трансформировались в разного рода политиков. Не то чтобы они имели зуб на Красозова, но при случае не преминули бы требовать с него должок. А чем расплачиваться? Только свободой или жизнью, потому что все «отработанные» деньги Игорь сдавал в общак, который давно сгинул вместе с его хранителями.

— Что ты замолчал, Игореха? — окликнул Вячик задумавшегося Игоря. — Разморило?

Он ничего не знал о прежних мутках приятеля, поскольку жил в другом городе. Игоря это вполне устраивало. Он намеревался проверить одну небольшую махинацию, чтобы в ближайшее время не заботиться о деньгах. Такова была его тактика. Немного урвал и сидишь тише мыши.

— Задумался, — сказал Игорь. — Одна идея в голову пришла.

— Какая? — любопытно спросил Вячик,

проверяя, осталась ли на столе закуска.

— Как денюжат по-быстрому срубить. Немного, но зато легко и сразу.

— Ого! Интересная тема. Поделишься?

Вячик уселся поудобнее, с визгом протянув стул по полу. Игорь, морщась, пожал плечами.

— Да ну его. Неохота сейчас о делах и деньгах. Так хорошо сидим.

— Я, Игореха, о деньгах готов днем и ночью толковать. Они, блин, как заколдованные. Вроде есть, но, с другой стороны, всегда не хватает.

— У нас водочка осталась? — спросил Игорь, делая вид, что хочет замять тему.

— Водка кончилась, а коньяк имеется, — сказал Вячик. — Открою, если задумкой поделишься. У тебя что-то на уме, я вижу! — Он шуточно погрозил пальцем. — Давай, колись.

Так было всегда. Люди, которых мошенники собирались облапошить, сами лезли на рожон. Их губила жадность, а еще уверенность в том, что их-то вокруг пальца не проведешь.

Знал бы кто, как Игорю это надоело. Он бы с удовольствием зарабатывал честно и начал бы свой маленький бизнес, если бы не одно «но». Его персону значилась как неблагонадежная в компьютерных базах данных. Устраиваясь на работу или пытаясь зарегистрироваться в качестве частного предпринимателя, Игорь Красозов всякий

раз терпел фиаско, а один раз едва не был арестован вызванной полицией. Выбираться со скользкой дорожки всегда сложнее, чем на нее становиться.

— Может быть, поговорим о делах на трезвую голову? — спросил Игорь. — Например, завтра. Или послезавтра.

— Или в следующем году, — ухмыльнулся Вячик. — Или в другой жизни. Нет, брат, так не пойдет. У моей запросы, как у английской королевы. Если ее на голодном пайке держать, то слопают заживо.

— Красивая хоть?

— Плохих не держим. Так что за идея?

— Ладно. — Игорь махнул рукой щедрым жестом подгулявшего купца. — Тащи свой коньяк. Обсудим одно дельце.

— У меня французский. — Вячик с готовностью вскочил со стула. — Баксов двести бутылка стоит. Один мужик подарил, чтобы я ему максимальную скидку обеспечил.

— И ты обеспечил?

— Он решил, что да. Но я о своем интересе тоже не забыл.

Посмеиваясь, Вячик смотался к сейфу и взял оттуда коньяк, оставив дверь открытой.

Наверняка там были деньги, но опускаться до банальной кражи Игорь не собирался. Не только из соображений безопасности, но и из-за моральных

принципов. Перехитрить человека — это одно, обобрать — совсем другое.

— Сейф закрой, — посоветовал Игорь приятелю. — А то забудешь потом по пьяни.

— И то верно...

Вячик вернулся к сейфу, запер его и спрятал ключ в карман. Теперь можно было рассчитывать на полное доверие и взаимопонимание. Игорь всегда чувствовал момент, когда клиент «дозревал». Многолетний профессиональный опыт, черт бы его побрал!

Поначалу Игорь не понимал, что принимает участие в аферах. Его использовали втемную. Запускали в фирму с заданием взять, скажем, фуру кока-колы на реализацию. Он заключал договор, успешно распахивал ходовой товар по торговым точкам, отдавал деньги своему начальству, а потом узнавал, что деньги поставщику не выплачивались. Приходилось врать, изворачиваться, избегать встреч с обманутыми партнерами, кормить их несбыточными обещаниями. Паутина долгов опутывала Игоря и фирму, зарегистрированную на его имя, все сильнее. А когда он сообразил, во что влип по уши, и хотел распрощаться с бандитами, его отвезли за город, где у него на глазах расстреляли двух несговорчивых коммерсантов.

Этим братки не просто припугнули Игоря, но и сделали его фактическим соучастником убийства.

С того дня он занимался аферами уже по принуждению. Так и повелось. И не было видно этому ни конца, ни края.

Игорь нахмурился, глядя на придвинутый к нему фужер.

— Для особых случаев хрусталь держу, — похвастался Вячик. — Ну, за удачу!

«Только повезет одному из нас», — уточнил Игорь мысленно, чокаясь.

— Хороший коньяк, — одобрил он, беря конфету из выставленной Вячиком коробки. — Не пожалеешь?

— О чем я должен пожалеть?

— Все-таки речь не о миллионах баксов идет.

— А о какой сумме? — осведомился несколько напрягшийся Вячик.

Не торопясь с ответом, Игорь окинул взглядом выставочный зал. Собранные здесь предметы ассоциировались не с торговлей, а, скорее, с научно-техническим прогрессом или космическими исследованиями. Выверенные линии, изящные плоскости, сверкающие детали, огоньки таймеров...

— Тысяч десять. — Игорь пожал плечами. — Ну, пятнадцать, это максимум.

— Так-так. — Вячик одним махом осушил фужер и облизал усы. — Семь — это неплохо, совсем неплохо.

— Я сказал, что это максимум. От десяти до пятнадцати, так будет вернее.

— То есть тысяча двенадцать, правильно? Делим пополам?

— Пополам, — согласился Игорь, прихлебывая коньяк, разливающийся по жилам, как горячее топленое масло. — С тебя товар, с меня бабки.

— Детали давай, — потребовал Вячик.

Его глаза подернулись хмельной пленкой, сквозь которую тускло проглядывали огоньки делового интереса.

— Мой дядя большой магазин открывает, — начал Игорь, растягивая слова и паузы, как это делает опытный рассказчик, стремящийся удерживать внимание слушателей в постоянном напряжении. — Вернее, не он, а учредители. Дядя директор. Степан Иванович Красозов. У нас фамилии одинаковые.

— Само собой. И что твой Степан Игнатьевич?

— Иванович. Говорю же, ему супермаркет поручили открыть. А там и кухня, и кафе, и мини-пекарня...

— Ясное дело, — кивнул Вячик и бросил взгляд на бутылку, но наливать не стал.

— Учредители дяде на оборудование сто штук выделили, — продолжал Игорь. — Наликом.

Отмывают, понял?

— Чего же тут не понять.

— Вот мне дядя и говорит, найди, мол, мне все эти штучки-дрючки. Чтобы разом за все заплатить и больше голову не морочить. Он к ценам не особо придирается станет. Я ведь его родственник.

— Предлагаешь впарить товар по завышенной цене, — догадался Вячик, плеснув себе коньяка.

При этом он напоминал не по годам крупного ребенка, копирующего поведение взрослого человека за столом.

— Точно, — подтвердил Игорь и не удержался от улыбки. — Грузим твое добро в машину и гоним в Лиховецк. Это чуть больше тридцати километров. И накладные с дугими ценами заготовь.

— Как же я их проведу по бухгалтерии? — озаботился Вячик, проглотивший коньяк, как холодный чай.

— А вот это твоя забота. Думаю, ты проделывал это неоднократно.

— Но не в таких объемах.

— Чем больше объем, тем солидней навар. — Игорь пожал плечами. — Элементарно, Ватсон.

Вячик задумался, кусая усы. Потом кивнул:

— Ладно, придумаю что-нибудь. Я в теме. Где наша не пропадала!

— Везде пропадала, — усмехнулся Игорь и с удовольствием выпил.

Дело было сделано. Осталось лишь объяснить жадному и глупому Вячику, почему его присутствие в Лиховецке необязательно, и найти транспорт. Покупатель у Игоря имелся. Правда, не в Лиховецке, а в каком-нибудь километре от салона торгового оборудования. Товар обещали взять по бросовым ценам, но Игоря это вполне устраивало. Даже если сплавить оборудование тысяч за двадцать, то все это будет чистая прибыль. Делиться с Вячиком Игорь не собирался.

Жизнь в съемных квартирах обходилась недешево. Чтобы ездить налегке и не таскать с собой пожитки, Игорь всякий раз обзаводился новыми вещами, что тоже выливалось в кругленькие суммы. Таким образом, сегодняшняя афера должна была обеспечить год относительно спокойной жизни. Этого было Игорю достаточно.

Они поговорили еще немного, обсуждая детали предстоящей сделки, а потом распрощались, условившись созвониться утром.

Однако Игорю больше никогда в жизни не привелось увидеть Вячика и воспользоваться его доверчивостью.

II

Вернувшись в гостиницу, Игорь некоторое время бесцельно бродил по номеру, решая, как бы убить время до отхода ко сну. Ложиться раньше полуночи не имело смысла, поскольку все равно пришлось бы ворочаться с боку на бок, прокручивая в мозгу предстоящую операцию. Так было всегда. В решающие моменты Игорю не удавалось отключить сознание и уснуть, отложив заботы на завтра. Такая уж у него была натура впечатлительная. Он знал, что, раскрутив Вячика на бабки, потом еще долго будет мучиться угрызениями совести. Душа заранее была не на месте.

Выпить, что ли? Игорь посмотрел на часы. Было начало десятого. Самое время взять бутылку, устроиться перед телевизором и выбросить невеселые мысли из головы. По этому рецепту живет подавляющее большинство одиноких мужчин. Чем же Игорь Красозов хуже? Или лучше — это в зависимости от того, как сформулировать вопрос.

Он уже собирался выйти из номера, когда до его слуха донеслась приглушенная мелодия «Одинокого пастуха». Это звонил мобильник, приобретенный специально для связи с родителями. Номер знали только они. В целях безопасности

Игорь постоянно покупал новые телефоны и менял чип-карты.

— Да, — сказал он в микрофон.

— Сынок, почему ты не берешь трубку? — прокричала мать таким голосом, словно перед этим взбежала по ступенькам на свой третий этаж. — Звоним, звоним, а ты не отвечаешь. Разве так можно? Я думала, у меня сердце не выдержит.

Родители у Игоря были старенькие, беспокойные. Он врал им, что никак не осядет на одном месте, потому что якобы ищет такую работу, чтобы немедленно обзавестись квартирой, а затем и семьей. По своей наивности папа и мама верили своему единственному сыночку. Волновались за него, уговаривали вернуться домой и жить втроем, как прежде. Игорь отнекивался. Так продолжалось достаточно долго, поэтому он не ожидал подвоха, когда, поболтав о том о сем, мать неожиданно спросила:

— Скажи, Игорек, ты сейчас где работаешь?

— В настоящий момент нигде, — ответил он, лихорадочно продумывая легенду. — Вчера уволился из салона торгового оборудования. Там, мама, директор еще тот жулик. Я испугался, что он впутает меня в какие-то свои махинации, и решил держаться подальше.

— Вот и правильно, — одобрила мать. — Папа тоже кивает, он наш разговор слушает.

— Передавай ему привет, — улыбнулся Игорь.

— Саша, тебе привет... И папа тоже передает тебе привет, сынок.

— Я, как только устроюсь на новое место, сразу вам сообщу, мама.

— Не надо никуда устраиваться, — испугалась мать. — Это как раз хорошо, что ты свободен. Помнишь, какой завтра день?

Игорь хлопнул себя по лбу:

— Ого, чуть не забыл!

— А вот мы, сынок, никогда не забываем про твой день рождения. Обязательно отмечаем вдвоем. Я пирог пеку, папа настоечку особую на стол выставляет. Сидим вдвоем, тебя маленького вспоминаем. А еще день, когда ты родился...

— В тот день я был самым счастливым человеком на свете! — прокричал отец, прорвавшись к телефону.

— Я тоже была счастлива, хотя и намучилась с тобой очень, — продолжала мать, и по ее голосу было слышно, что она улыбается. — Знаешь, а ты ведь родился голубоглазым, Игоречек. Глазки голубые, а волосики черные. Я думала, ты вырастешь похожим на Алена Делона, был в наше время такой французский актер знаменитый...

«А я вырос жуликом и подлецом», — с горечью подумал Игорь.

— Да, я помню, ты рассказывала, — произнес он.

— Так вот... — Мать запнулась. — О чем это я?

— О Делоне, — напомнил Игорь.

— При чем тут Делон?! Вспомнила! Ты должен непременно приехать домой, сынок. Это будет особенный день рождения. У нас с папой для тебя царский подарок.

— Подарок?

— Скажи ему, — потребовал далекий отцовский голос.

— В общем, сынок, мы насобирали денег, — торжественно произнесла мать. — Завтра покупаем тебе квартиру.

— Двухкомнатную! — прокричал отец.

— Двухкомнатную, Игорек. У нас были кое-какие накопления, а кроме того, мы продали дачу, гараж и машину...

— Да зачем же?! — воскликнул Игорь.

— Затем, что тебе пора обзавестись собственным гнездышком, сынок, — строго сказала мать. — Хватит мотаться по свету. Тебе нужна семья, постоянная работа, крыша над головой. Да и нам будет спокойнее, когда ты будешь рядом. Мы ведь не вечные...

— И здоровье у нас не железное, — вставил отец.

— Ты у нас поздний ребенок, Игорек, — вздохнула мать. — И единственный. Без тебя мы долго не протянем. Коптим небо, коптим, а что толку? Цель нужна, смысл. Внуков нянчить, тебя опекать...

Игорь хотел что-то ответить, но не смог. Не только потому, что не нашел нужных слов. Просто в горле образовался удушающий комок, мешающий говорить.

Он живо представил себе родителей. Учитывая важность момента, они сейчас не сидят, а стоят. Телевизор не выключен, а лишь обеззвучен, комната залита тусклым сероватым светом экономных китайских лампочек. На столе две чашки с остатками чая, полуразгаданный кроссворд, двое очков, томик Чехова с закладкой из конфетной обертки. Мама в теплом халате, надетом поверх кофты, чтобы было теплее. Отец совсем седой, со встрепанными волосами и подслеповатыми глазами.

Сблизив головы возле старенького моби́льника, они дожидаются ответа от единственного сына. Того, который родился с голубыми глазами и на некоторое время сделал их счастливыми. Придал смысл их не слишком радостному существованию.

Вспомнилось Игорю, как часто он обманывал родительские ожидания, огорчал маму и сердил

отца. А теперь они позаботились о нем, собрали деньги, чтобы обеспечить великовозрастного сыночка жильем, тогда как он пальцем о палец не ударил для того, чтобы скрасить их старость. Дешевые подарки, общие фразы, притворное участие.

Как же ненавидел себя Игорь в этот момент! Всею душой, всем сердцем. За все, что сделал, и за то, чего не сделал. В кого он превратился? Куда катится? Как собирается жить дальше? Ведь заранее известно, чем все закончится. Тюремные нары или мучительная смерть в каком-нибудь подвале. Жил-был такой Игорь Красозов и весь кончился. Не оставил после себя ничего. Ни имущества, ни детей, ни добрых воспоминаний. Зачем приходил в этот мир? А кто его знает. Просто так жил, просто так умер. Ни для кого, ни для чего.

— Спасибо, мама, — сказал Игорь, как только к нему вернулась власть над собственными голосовыми связками. — Вы... вы самые лучшие. Даже не знаю, как вас благодарить. Но я не могу принять такой подарок. Это слишком... слишком...

Он опять утратил способность говорить.

Трубку взял отец.

— Сын, — произнес он. — Мы с мамой твоей уже, к сожалению, не молоды. Прежде чем мы уйдем из жизни, мы хотим сделать все, чтобы ты ни в чем не нуждался. Это наш долг.

— Папа, не говори так! — страдальчески воскликнул Игорь.

Но отец его уже не слышал. В трубке снова зазвучал голос матери:

— В общем, мы ждем тебя, сынок. Хотелось бы увидеть тебя завтра. После обеда у нас будут все необходимые документы на квартиру. Вот и отметим всё вместе. И твой день рождения, и новоселье. Это будет настоящий праздник.

Как можно было отказаться? Да и зачем? Родители все решили за Игоря. Как в детстве. Было чертовски приятно снова почувствовать себя маленьким мальчиком, о котором всегда позаботятся папа и мама.

Попрощавшись, Игорь почувствовал, как в его глазах скопилось так много слез, что они вот-вот польются в три ручья. Он несколько раз ударил кулаком в стену. Физическая боль помогла справиться с душевными страданиями. Лизнув ободранную костяшку пальца, Игорь позвонил Вячику, сухо сообщил, что сделка отменяется, и, не слушая возражений, отключил мобильник.

Пить в тот вечер он больше не стал. Лежал и смотрел в потолок, по которому метались всполохи от автомобильных фар. Его губы то и дело складывались в произвольную улыбку. Он возвращался домой. Все плохое осталось позади.

III

Поезд в Артемов отправлялся только в полдень, поэтому все утро Игорь провел, скитаясь по городу. Жуя скользкие пельмени в кафе, он смотрел на прохожих и пытался угадать, куда и зачем они спешат. Наверняка все они ведут честную, правильную жизнь, их совесть чиста. Работают, любят, воспитывают детей, обустривают свои жилища. Конечно, у каждого есть свои тревоги и горести, но на то они и люди. Зато никому из них не приходит в голову облапошить кого-то, а потом вздрагивать по ночам от каждого шороха, шума захлопнутой двери, далекой телефонной трели.

«Ничего, ничего, — думал Игорь. — Скоро и я буду жить так же. Для начала пойду работать хоть строителем, хоть сторожем, все равно. Или куплю дешевую машину и займусь извозом. Стану квартиру обставлять, родителей навещать, с какой-нибудь хорошей девушкой встречаться. Через год или два стану отцом семейства. И никаких муток, никаких кидняков. Трудовая копеечка, она нелегко достается, но зато дорогого стоит...»

От этих мыслей на сердце становилось тепло. Как будто там огонек разгорался, уютный и светлый. «Хорошо-то как, — думал Игорь. —

Скорее бы домой!»

За час до отхода поезда он забрал вещи из камеры хранения и вышел на перрон, продуваемый сырым, холодным ветром. Люди хохлились, как воробьи, поднимали воротники и шмыгали носами. Игорь, сунув руки в карманы, стоял ровно и прямо. Все его многолетние страхи рассеялись чудесным образом. Он ехал к матери с отцом, у него был день рождения и великолепный подарок. Казалось, все желания, все мечты были близки к исполнению.

А потом зазвонил телефон. Тот самый, который предназначался для связи с родителями. В окошке высветилась надпись «Мапа» — так Игорь в детстве называл маму и папу. Должно быть, они решили поздравить его с днем рождения. Или уточнить время приезда.

— Алло, — сказал Игорь в трубку.

— Игорь Александрович?

Незнакомый мужской голос. Вежливый и какой-то «протокольный». Игорь внутренне сжался. Вот и пришло время платить по старым счетам. Кто-то из «клиентов» подал заявление в полицию. Интересно, как следователю удалось усыпить бдительность родителей? Это не сложно. Пожилые люди доверчивы. И не только пожилые. Игорь сам неоднократно пользовался их доверчивостью. Теперь стоит, мокрый, как мышь, под своей курткой и молится, чтобы пронесло.

Не пронесет!

— Да, это я, — произнес Игорь, переборов искушение представиться каким-нибудь другим именем. — С кем имею честь?

Аристократический какой оборот речи ввернул! Прямо белогвардейский офицер в плену у красных. «Отдали бы честь, ваше благородие». — «Не могу-с, честь у меня одна. Отдашь — где другую возьмёшь...»

Все эти глупые соображения пронеслись в мозгу, как тени стрижей на асфальте. Вжик — и пусто.

— Моя фамилия Греховец. Звать Константином Эдуардовичем. Я следовательно по делу... э-э...

Повисшая пауза породила тяжесть, подобную той, которая случается, когда наползает грозовая туча и все никак не проливается дождем, а только мерцает изнутри молниями да невнятно бормочет.

— Плохо слышно, — сказал Игорь. — По какому делу?

Мелькнула идея еще раз пожаловаться на плохую связь, оборвать разговор и больше на звонки не отвечать. Нет, нельзя. Нужно знать намерения противника, чтобы планировать какие-то действия. Кроме того, родители небось в шоке, так что придется их успокаивать.

Игорь крепче стиснул мобильник.

— Когда вы последний раз были дома? — спросил Греховец.

Станный вопрос. Неожиданный.

— А что? — насторожился Игорь.

— Ответьте на вопрос, пожалуйста, Игорь Александрович. Это крайне важно.

— В прошлом... нет, в позапрошлом году. На Новый год. Второго или третьего января, точно не помню.

— И все? — настаивал следователь.

— И все. Да в чем дело-то?

— Вам необходимо приехать в Артемов.

Игорю внезапно захотелось к чему-нибудь прислониться, такая слабость его охватила. Этот разговор нравился ему все меньше и меньше.

— Вы могли бы передать телефон кому-то из моих родителей, Константин Евгеньевич?

— Эдуардович, — поправил Греховец. — Нет, к сожалению, выполнить вашу просьбу не могу.

— Почему?

Дождаясь ответа, Игорь тупо смотрел прямо перед собой. Он не видел людей, не видел подошедшего поезда, не обращал внимания на морозящий дождь, не слышал гнусавого голоса, что-то талдычившего в репродукторы. Он находился там, но вместе с этим где-то далеко.

— Потому что, — донеслось до его слуха, —

они мертвы. Я расследую убийство ваших родителей, Игорь Александрович. Выйти на вас было легко. Вы значились в мобильном телефоне покойной гражданки Красозовой как «Сынуля».

Невидимый тупой клинок вонзился в солнечное сплетение Игоря и стал поворачиваться там, наматывая на себя внутренности.

— Сынуля, — повторил он.

Повторил беззвучно. Голоса не было, хотя губы и язык шевельнулись.

— Вы меня слышите? — спросила телефонная трубка.

Если ее выбросить, то, возможно, окажется, что никто не звонил и ничего не сообщал. Вся эта жуть просто почудилась Игорю. Приснилась. Он и сейчас спит. Не случайно люди на перроне выглядят так странно.

Игорь отнял мобильник, посмотрел на него и вернул в исходное положение.

— Как они умерли? — спросил он деревянным голосом.

— Их убили, — ответил следователь Греховец. — Игорь Александрович? Где вы сейчас находитесь? Когда вы сможете приехать?

— Поезд прибывает в восемь утра.

— В таком случае погуляйте где-нибудь до девяти, договорились? Нет, лучше до половины десятого. Квартира опечатана. В девять тридцать я

подъеду, мы с вами побеседуем и уладим все формальности. У вас есть ключ от квартиры?

— Есть, — выдавил из себя Игорь. — Как их убили? Кто?

Услышав последние слова, женщина с маленькой девочкой в шапочке с кошачьими ушками остановилась и оглянулась.

— Вы все узнаете на месте, Игорь Александрович, — заверил следователь.

— Я хочу знать сейчас, — произнес со сдавленной яростью Игорь и вдруг закричал: — Кто их убил? За что?

Женщина схватила девочку за руку и поволокла прочь, озираясь. Десятка два пассажиров уставились на Игоря — кто с испугом, кто с состраданием.

Осекшись, он тихо произнес: «Завтра в девять» — и выключил телефон.

Пока он разговаривал, дождь успел намочить асфальт перрона, он был черным, блестящим, в лужах отражалось серое небо. «Пусть бегут неуклюже...», — пропел издевательский голосок в голове. А потом: «К сожаленью, день рожденья...»

Это «к-сожаленью-день-рожденья» преследовало Игоря всю дорогу домой, где бы он ни находился и что бы ни делал: торчал в вонючем тамбуре, стоял в коридоре, уткнувшись лбом в холодное мутное стекло, валялся без сна на верхней

полке, уставившись в темноту.

К сожаленью, день рожденья ...

К сожаленью, день ...

К сожаленью ...

IV

Артемов встретил Игоря как старый родственник, которого уже почти не помнишь, а лишь угадываешь в его облике прежние черты. Здесь прошли детство и молодость, но именно что прошли — их больше не было, от них ничего не осталось. Только декорации от отшумевшего спектакля. На «бис» никого не вызвали. Отыграл свою роль — и до свиданья. Точнее, прощай.

Погрузившись в новенький автобус, гладкий и блестящий, как яичный желток, вылитый на сковородку, Игорь стал смотреть в окно, потому что это позволяло не заглядывать внутрь себя, где все болело, изнывало и корчилось. Ряды невысоких домов стояли вдоль дороги, подобно равнодушным встречающим, которым нет никакого дела до гостя. Последнее золото на деревьях успело подернуться ржавчиной, улицы были засыпаны влажной бурой листвой. Ее топтали ногами пешеходы и давили колесами машины. Повсюду, куда бы ни упал взгляд Игоря, сидели мрачные черные вороны. Он знал, зачем они здесь. И иногда отстраненно

удивлялся тому, что способен сидеть на автобусном сиденье с абсолютно сухими глазами и прямой спиной.

Катя за собой чемодан, Игорь вошел во двор, сделавшийся непривычно маленьким из-за ведущейся внутри стройки, обнесенной зеленым забором. Оттуда струилась по асфальту рыжая глинистая жижа, напоминая о том, где скоро окажутся те, кого Игорь называл собирательным словом «мапа».

Он не задавался вопросом, кто их убил и за что. В данный момент это не имело значения. Гнева не было. Обрушившееся на Игоря горе было столь велико, что вытеснило все прочие эмоции своей тяжестью.

Сверившись с часами, он остался стоять во дворе, воскрешая призраки прошлого. Вон там стояла беседка, в которой Игорь тайком поигрывал в картишки с пацанами и пугался до потери пульса, когда мимо проходили родители. А вон возле тех гаражей он рыдал с поломанной ногой, глядя на бегущего к нему отца. А на этот балкон выходила мама, чтобы позвать его домой.

Игорь! Ужинать!

Воображаемый крик прозвучал столь отчетливо, что он невольно вздрогнул, а в следующий момент увидел приближающегося к нему следователя. Ошибки быть не могло: это был

именно Греховец, весь из себя такой полицейский. Или прокурорский? Игорь не разобрался в подобных тонкостях. У него еще никогда не убивали родителей. «Все бывает впервые, — подумал он. — Но не всегда бывает второй раз».

Мысль едва не заставила его задержаться от едва сдерживаемого смеха. Наверное, это была истерика. Так ли это, Игорь точно не знал. Прежде у него не случалось истерик. Повода не было.

— Вы Игорь Александрович? — осведомился Греховец, не подавая руки. — Доброе ут... Гм! Здравствуйте.

— Здравствуйте... — поздоровался Игорь и, поднапрягшись, припомнил имя-отчество следователя. — Константин Юрьевич.

— Эдуардович. Пройдемте в дом.

Официальное приглашение резануло слух. Игорь послушно взялся за ручку чемодана, но с места двинулся не сразу.

— Они... там? — спросил он.

— Нет, конечно. — На лице Греховца промелькнула снисходительная усмешка, которую он тут же прогнал. — Тела покойных находятся в морге судебной экспертизы. Кстати, вам придется их опознать. Неприятная процедура, но ничего не попишешь.

Они вошли в подъезд, причем Греховец шел первым и безошибочно набрал код замка подъезда.

Дверь в квартиру, сорвав с нее бумажку с печатью, он предложил открыть Игорю. Рука отказывалась повиноваться. Ключ долго не желал поворачиваться в замочной скважине.

Войдя в квартиру, Игорь ощутил множество запахов, среди которых было несколько совсем незнакомых. Один из них перебивал все остальные, вызывая спазмы в пищеводе.

По-журавлиному ступая на негнущихся ногах, Игорь вошел в зал и там его чуть не вывернуло. Метнувшись в туалет, он изверг из себя кислое месиво, а потом долго кряхтел и плевался, стараясь избавиться от вязкой слюны, протянувшейся от губ к унитазу.

— В ванную лучше не заходите, — предупредил Греховец, невозмутимо покуривающий возле открытой форточки. — Там... В общем, вам придется нанять кого-то для уборки. Сами вы вряд ли справитесь.

Игорь сходил в кухню, выпил воды из крана, вернулся в прихожую, хрустя осколками и черепками. Войдя в комнату, он увидел на полу контур человеческого тела, разбросанные как попало вещи и упал на стул, предусмотрительно выдвинутый следователем.

— Это отец, я так понимаю, — хрипло произнес Игорь. — А мама... мать где?

— Ее убили в спальне, — пояснил

Греховец. — Обоих перед смертью... э-э, допрашивали.

— Пытали.

— В общем-то так будет ближе к действительности.

— Деньги искали, — заключил Игорь, стараясь не смотреть на меловой рисунок.

— Откуда вам это известно? — оживился Греховец.

— А что же еще? Не семейные же фотографии.

Игоря поразило, как цинично он это произнес. Но по-другому не получалось. Такова была защитная реакция. Броня, позволяющая облегчить боль от соприкосновения с беспощадной действительностью.

— Да, действительно. — Поскучневший следователь выбросил окурок в форточку и расположился рядом с Игорем. — Деньги, деньги, деньги. Люди гибнут за металл... Не помните, кто это сказал?

— Нет. От меня сейчас что требуется?

— Я задам вам несколько вопросов, Игорь Александрович. Потом вызову машину и мы отправимся на опознание. Ну и наконец нужно будет оформить все сказанное вами в протоколе.

— Мне нечего рассказывать, — хмуро произнес Игорь.

— Понимаю, — кивнул Греховец. — Не обижайтесь, но я буду вынужден попросить вас указать, где вы находились накануне... э-э, ограбления.

— Железнодорожного билета будет достаточно?

— Вполне.

— Вот он.

Порывшись в карманах, Игорь вручил следователю билет. Поговорив еще немного, они перешли в спальню, где меловой контур отсутствовал, поскольку, как было видно по смятому покрывалу, маму пытали и убили на двуспальной супружеской кровати.

— Я не вижу крови, — глухо произнес Игорь, голос которого звучал так, словно он говорил сквозь плотную тряпку.

— Преступники проявили предусмотрительность, — охотно пояснил Греховец. — Прежде чем стрелять, они надевали на головы жертв пакеты. Такие черные, что для мусора используют, знаете? Чтобы кровь и мозговое вещество не забрызгали одежду. А стреляли, скорее всего, из пистолета с глушителем, так что соседи ничего не слышали.

— Как же их обнаружили? — спросил Игорь.

— Небрежность. Обыкновенная небрежность, Игорь Александрович. Покидая квартиру,

преступники случайно сдвинули с места половичок, и он не позволил двери захлопнуться. Соседка с шестого этажа заметила и любопытствовала. Сейчас она в кардиологическом отделении находится. Инфаркт.

Продолжая говорить, Греховец открыл форточку и приготовился закурить. Игорь попросил его этого не делать. Ему это показалось чем-то вроде святотатства. Они находились в комнате, где мучили и убивали его мать. Она не переносила табачного запаха. В отрочестве Игорю стоило большого труда сохранять в тайне свое пристрастие к сигаретам.

Повертев пачку в руках, Греховец спрятал ее в карман и сухо спросил:

— Скажите, Игорь Александрович, какой суммой, по вашим прикидкам, могли располагать поко... э-э, ваши родители?

— Точно не знаю, — ответил Игорь. — Но деньги у них были. Недавно они продали машину, гараж, дачу.

— Вот как? — следовательский глаз сверкнул внезапным интересом. — С какой целью?

— Собирались мне квартиру купить. Сегодня. У меня день рождения.

— Поздравляю, — кивнул Греховец. — Если это уместно.

— Не уместно, — отрезал Игорь.

С этого мгновения их отношения сделались подчеркнуто прохладными. Игорь об этом не жалел. Он жалел совсем о другом. О том, что случилось с его родителями, пока он находился далеко. И это было непоправимо.

V

По ночам никакие ужасы Игорю не снились и не мерещились, хотя спать он ложился совершенно трезвым. А вот при свете дня — при свете сумеречном, бесцветном, осеннем — случалось всякое. Например, разбирал он вещи, что-то раскладывая по полкам, а что-то готовя к выносу из квартиры, как вдруг сам собой включался телевизор и начинал петь любимую мамину песню про лаванду, горную лаванду. Или, сунув руку в шкаф, Игорь натыкался на чьи-то холодные пальцы, которых потом там, разумеется, не оказывалось. Все это ужасно действовало на нервы. Как и постоянное присутствие в квартире родственников, знакомых или вовсе посторонних людей.

Все они считали своим долгом выразить Игорю соболезнование и сообщить ему, что его родители были замечательными людьми. Он кивал и благодарил, а сам ждал, когда они все наконец уйдут. Хотя без их участия он вряд ли справился бы. Похороны и все сопроводительные процедуры

совершались как бы без личного участия Игоря Красозова. Его куда-то возили, он что-то подписывал и платил какие-то деньги. Потом в прихожей возникли венки, во дворе — автобус, а на кладбище — свежерытые могилы и деловитые парняги с лопатами.

«Земля им пухом, — звучали тосты на поминках, — за Юлечку и Сашеньку... светлая им память...»

Игорь глотал водку, как воду, не закусывал и не пьянел. Покинув арендованное кафе, он старательно попрощался со всеми, твердой поступью отправился домой, а там упал рядом с диваном, отключившись чуть ли не на целые сутки. Придя в себя, он, два или три дня беспробудно пил, беседуя с собой и своим зеркальным отражением. Иногда, спохватившись, названивал следователю и, с трудом ворочая языком, допытывался, когда будут пойманы убийцы.

— Вот что, Игорь Александрович, — не выдержал Греховец. — Прекратите сюда звонить да еще в нетрезвом состоянии. Я, конечно, сочувствую вашему горю, но если вы не уйметесь, то вынужден буду принять меры.

— Какие? — дерзко поинтересовался Игорь.

— Необходимые, — туманно ответил следователь.

Это прозвучало очень отрезвляюще. На

следующий день Игорь купил не водки, а только лишь пиво, которое употреблял весьма умеренно, чтобы опять не сорваться. Хорошо, что о пропитании не приходилось заботиться: в доме нашлись и консервы, и крупы, и картошка, и даже сухая колбаска с сырной нарезкой. Правда, не всякий кусок лез в горло. Например, открыв к чаю абрикосовое варенье, Игорь потом долго давился слезами, причитая «мама, мамочка».

Прикончив родительские запасы, он не стал их пополнять. Запасся маслом, молочными продуктами, хлебом, овощами. А еще приобрел целый ворох прессы, чтобы было чем убивать время. Телевизор Игорь недолюбливал, за компьютер его не тянуло, книжные тексты не лезли в голову. Газеты и журналы с кроссвордами — то, что надо.

Вернувшись домой из универсама, Игорь плотно пообедал свежесваренным супом и завалился на диван. Какая-то часть его ныла, что слишком рано он утешился, но Игорь прогонял подобные мысли, как назойливых мух. Что толку сидеть, уставившись в одну точку, и скрипеть зубами? Какой смысл посыпать голову пеплом или рвать на себе волосы? Родителей не вернуть. Отныне они там, где рано или поздно все мы будем. Туда не доходят звонки, эсэмэски и электронные письма. Но некая связь существует. Незримая,

неслышная, неосязаемая. Временами Игорь ощущал присутствие отца и матери так явственно, словно они приближались к нему или тихонько сидели в соседней комнате.

Подобное чувство посетило его, когда он раскрыл яркий журнальчик с пышной блондинкой на обложке. «Не это», — прошелестело в тишине.

Игорь отложил журнал и, поколебавшись, выбрал одну из газет. Это было местное издание, не тонкое и не толстое, с неприятзательным названием «Вечерний Артемов». Развернув газету, Игорь немного пошелестел страницами и замер. Его взгляд наткнулся на рубрику криминальной хроники, где была помещена статья «Почерк нелюдей». Речь там шла о родителях Игоря, зашифрованных как «семья К». Но не только о них.

Кусая губы, Игорь прочитал, что, оказывается, в городе уже несколько месяцев орудует банда, совершившая уже четыре подобных преступления. Красозовы были не первыми жертвами убийц и, надо полагать, не последними. Во всех четырех случаях они действовали совершенно одинаково: пытки, пакеты на головы, выстрелы в упор из пистолета с глушителем.

Дойдя до фамилии автора статьи, Игорь перевернул газету и стал искать телефоны редакции. Его руки мелко дрожали.

VI

Редакция «Вечернего Артемова» находилась в многоэтажном здании, похожем на раскрытую книгу, поставленную на попа. На стенах и прямо в окнах были вывешены баннеры с названием фирм, размещавшихся внутри. Они были слишком яркими для промозглой серости, царившей вокруг. Конфетные фантики на обшарпанном заборе.

Внутри было темно, пахло борщом и почему-то больницей. Заметив вахтера, застывшего в коконе желтого света настольной лампы, Игорь мысленно похвалил себя за привычку постоянно ходить с паспортом. Привычка появилась после того, как его пару раз задержали для выяснения личности и промурыжили в полицейском «обезьяннике» достаточно долго, чтобы туда больше не хотелось попасть никогда в жизни.

Зарегистрировавшись в журнале посетителей, Игорь зашел в допотопный лифт, похожий на клетку, и поехал на третий этаж.

Длинный коридор был безлюдным, хотя на одном из подоконников дымился окурок в банке из-под зеленого горошка. Побродив вдоль дверей, Игорь нигде не обнаружил вывеску «Вечернего Артемова». Тогда он пошел в обратном направлении и увидел высокую девушку, вышедшую в коридор с телефоном и дымящейся

чашкой. На ней был желтый свитерок и клетчатая юбка, как бы приглашающая сыграть в шахматы. Узкие черные сапоги казались продолжением колготок. Концы светлых волос завивались над плечами.

Дождавшись, пока девушка договорит по телефону и поднесет к губам чашку, Игорь приблизился и спросил, где находится редакция газеты.

— Какой именно? — поинтересовалась она, глядя на него поверх золотого ободка.

Глаза у нее были бледно-голубые, с крохотными точечными зрачками. Губы, вернее помада, — розовая.

— «Вечерний Артемов», — сказал Игорь.

— А какое у вас дело? — спросила она.

— Мне нужна... — Он сверился со шпиргалкой. — Тамара Виткова.

— Зачем?

В другое время его бы уже разозлил этот допрос, но уж больно девушка была хороша.

— Я хочу обсудить с ней ее статью в газете, — пояснил Игорь. — «Почерк нелюдей».

— Для чего это вам?

— Надо. Так вы подскажете мне, как найти редакцию?

— Она здесь.

Девушка кивнула на дверь напротив окна,

возле которого они стояли.

— Странно, — сказал Игорь. — Вывески нет.

— Мы переезжаем этажом выше.

— Понятно. Спасибо.

Больше говорить было не о чем, поэтому Игорь отвернулся и приготовился взяться за дверную ручку.

— Минутку, — прозвучало за его спиной.

— Да? — Он обернулся.

— Витковой там нет.

— А где она?

— Она может быть где угодно. Ей совсем не обязательно сидеть на рабочем месте. Она свободный журналист.

— Но кто-то ведь знает ее координаты?

— Кто-то знает, — согласилась девушка, опустила чашку и сделала шаг к двери.

Игорь посторонился. Они были одинакового роста, поэтому девушка казалась выше. Ее духи пахли карамелью.

— Может быть, вы в курсе? — предположил Игорь.

— Может быть, — сказала девушка, протянув руку к двери. — Только зачем вам Тамара Виткова? Она никаких опровержений писать не станет.

— При чем тут опровержения? Я ищу ее, чтобы поговорить об этих убийствах с пытками.

Девушка потянула на себя дверь.

— Интересней темы нет?

— Нет, — сказал Игорь. — Моих родителей убили. Про них идет речь в статье. Семья К. Это Красозовы. Я тоже Красозов.

Девушка захлопнула дверь:

— Надеюсь, это не шутка?

— Такими вещами разве шутят?

— Вы плохо знаете людей, если задаете такие вопросы, — сказала девушка. — Я Тамара. Тамара Виткова. — Она опустила глаза. — Жаль ваших родителей. У вас есть какие-то дополнения? — Она посмотрела Игорю в глаза. — Может быть, всплыли новые подробности?

— Я у вас хотел спросить, — сказал он.

Тамара медленно повела головой из стороны в сторону:

— Мне мало известно. Все, что удалось раскопать, я изложила.

— Мои родители были четвертыми по счету, — сказал Игорь. — Насколько я понимаю, преступники все еще на свободе и, скорее всего, замышляют новый налет. А полиция, как водится, своими делами занимается. Что им расследование? На нем не разбогатеешь...

— Вы намереваетесь самостоятельно найти убийц? — спросила Тамара.

— Для начала я хотел бы просто поговорить с родственниками других погибших. Возможно,

всплывет какая-то общая деталь.

— И что тогда?

— Сообщу об этом следователю, — сказал Игорь, глядя в бледно-голубые глаза журналистки. — Это поможет ему выйти на убийц. Родители... — Он сглотнул. — Они у меня старенькие были. И одинокие. А эти звери их пытали. — Игорь быстро отвел взгляд, чтобы скрыть выступившие слезы. — Таким нельзя на свободе... Их нужно обязательно... обязательно...

Осекшись, он сгрел воздух в кулак.

Тамара молча смотрела на него.

— Я их мапой звал, — тихо произнес Игорь. — Это значит мама и папа. Они мне подарок на день рождения приготовили. А я не успел.

Она по-прежнему молчала.

Резко развернувшись, он пошел по коридору. Ее голос настиг его на третьем или четвертом шаге:

— Эй! Как вас?

Он обернулся:

— Игорь.

— Не торопитесь, Игорь, — сказала Тамара. — Я дам вам адреса. И свой телефон. Если удастся выяснить что-то, вы мне сообщите?

— Конечно, — воскликнул он, возвращаясь быстрой походкой.

— Обещаете?

— Честное слово!

— Хм. — Тамара смерила его взглядом с головы до ног и обратно. — Что, честному слову еще можно верить в этом мире?

— Лично я не верю, — признался Игорь. — Но иногда хочется.

— У меня сейчас именно такой случай, — усмехнулась Тамара. — Ждите.

«Красивая девушка, — снова подумал Игорь, когда она скрылась за дверью. — Конечно, не одинока. Кто-то спит с ней, шутит, ругается. Видит ее в ночной рубашке или закутанную в полотенце... или совсем без ничего. Хотел бы я очутиться на его месте. Черт, не о том думаю, не о том!»

Мысленный окрик подействовал, но ненадолго. Игорь опять стал думать о Тамаре Витковой, и мысли его не имели ничего общего с романтикой.

Он ее хотел. Без свечей, роз и шампанского. Как мужчина хочет женщину.

VII

Тамара отлично разбиралась в мужских взглядах. Безошибочно определяла, чего от кого ждать. Благодаря этому ей всегда удавалось совмещать приятное с полезным. Приятным (или хотя бы относительно приятным) бывал секс: местами и временами. А за право обладать Тамарой

мужики должны были приносить пользу. Как муравьи. Потому что среди тамариных приоритетов секс не входил в первую десятку. Есть — хорошо, нет — обойдемся.

В молодости ей нравились парни мечтательные и ласковые, желательно, разговорчивые. Такие не сразу начинали запускать руки под юбку или за пазуху, а могли долго произносить красивые слова, цитировать великих людей, декламировать стихи или просто хвастаться. В постели они, как правило, иссякали очень быстро, а потом закладывали руки за голову и принимались трепать языком. Юную Тамару это вполне устраивало. Ей хватало одного, максимум, двух раз за свидание. И чтобы ее не слишком рьяно мяли и тискали. Она очень заботилась о своей фигуре.

Свой первый оргазм она пережила в двадцать три года, случайно спутавшись с одним красавчиком южных кровей. Он был первым мужчиной, сумевшим доставить Тамаре настоящее удовольствие, однако продержался рядом пару месяцев, не больше. Если не брать в расчет интимную близость, то проку от него не было. Ни подарков, ни протекции, ни перспектив. Физиология. Но у тела имеется масса других потребностей, удовлетворять которые можно всевозможными способами.

А еще у людей есть амбиции.

Что касается Тамары, то пределом ее желаний, разумеется, была не колонка криминальной хроники в местной газетенке. Она видела себя известным и влиятельным репортером столичных изданий. Может быть, даже зарубежных, почему бы и нет? Все данные для этого у Тамары имелись: броская внешность, острый ум, негибкая воля, выдержка, умение правильно оценивать ситуацию.

А еще полнейшая беспринципность, без которой высоко по социальной лестнице не поднимешься.

Вместо того чтобы тратить время на смазливых и глупых ровесников с папиными авто и съемными квартирами, Тамара встречалась со старшим следователем областной прокуратуры Бастрыгой. Это был довольно постный мужчина с ранними залысинами и тусклыми глазами неопределенного цвета. Тамара как бы считалась его невестой. Ключевыми словами были здесь *как бы* и *считалась*. Всерьез его кандидатура в качестве будущего мужа не рассматривалась. Леонид Ильич Бастрыга был полезен в других качествах. Во-первых, благодаря ему Тамара постепенно протискивалась в достаточно узкий круг Артемовской элиты. Во-вторых, Бастрыга снабжал ее бесценной и эксклюзивной информацией, благодаря которой она выделялась на общем бледном фоне местной журналистики.

Тамара полагала, что уже вытянула свой счастливый билет. Статьи о серии зверских убийств и грабежей в городе не могли пройти незамеченными в общенациональных масс-медиа. Чтобы не пускать дело на самотек, Тамара разослала копии статьи во все крупнейшие издания и телеканалы столицы. К ним прилагались фотографии автора: продуманный макияж, деловой костюм, красиво уложенные волосы. Отбирая снимки, Тамара не забывала, что они призваны возбуждать любопытство мужчин, но не должны раздражать женщин.

Пока что откликов на эти послания не пришло, но это был вопрос времени. К тайной радости Тамары банда была неуловима, следовательно, рано или поздно крови будет пролито достаточно, чтобы привлечь внимание столицы. Количество, так сказать, перерастет в качество. И тогда Тамара Виткова окажется на коне. Она в этом не сомневалась. Еще одним положительным качеством ее натуры являлся оптимизм. Тамара не просто верила в то, что преуспеет, она это *знала*.

Конечно, ей стало жалко молодого человека, потерявшего родителей. Такой доверчивый, такой наивный. Сущий ребенок в облике взрослого мужчины. Ходячее недоразумение. Но при этом *полезное* недоразумение. Например, можно

состряпать душещипательное эссе о его переживаниях на фоне бездеятельности полиции. Или же, если Красозову (а заодно и Тамаре) повезет, то он действительно нападет на след убийц. Тогда сенсация обеспечена.

Вручая визитеру адреса, Тамара удостоверилась, что он правильно ввел в свой мобильник ее номер телефона. «А что если поднять ему настроение? — мелькнула шальная мысль. — Отвести в укромный уголок на лестничной площадке и отдаться ему там. Стоя. Не раздеваясь. Ну, почти не раздеваясь. От меня не убудет, а человеку приятно. Нет, нельзя. Случайные связи до добра не доводят. Да и давать волю желаниям нельзя. Поддашься эмоциям один раз, поддашься второй и покатишься по наклонной плоскости, вместо того чтобы карабкаться вверх».

— Игорь, — сказала Тамара, прикоснувшись к плечу Красозова, — я поверила вам и хочу, чтобы вы доверяли мне.

— Конечно, — воскликнул он, хлопая глазами.

Высокий, смугловатый, с узким тазом и широкими плечами. Как раз в Тамарином вкусе. Она не удержалась от искушения снова дотронуться до его плеча и, говоря, как бы машинально одергивала на нем куртку.

— Когда выясните что-нибудь, Игорь,

неприменно поставьте меня в известность. Я помогу вам, чем смогу. У меня есть опыт, связи. Договорились?

— Договорились, Тамара.

— Обещаете?

— Обещаю, — кивнул Игорь. — Слово даю.

— Это уже второе. — Тамара шутливо погрозила ему пальцем. — Не разбрасывайся словами... Ой! Я нечаянно перешла на «ты».

— Ничего страшного. — Он улыбнулся. — Я и сам хотел.

Это «хотел» приятно царапнуло подсознание. Расставшись с Игорем, Тамара некоторое время пребывала в состоянии приподнятом и беспокойном. Нечто подобное случалось с ней, например, в школе, когда она влюблялась в старшеклассников. Или перед первым свиданием. Или в тот день, когда твердо решила, что сегодня утратит невинность.

Вернувшись домой, Тамара долго лежала в ванне с горячей водой, представляя себе картинки, содержанием которых она не стала бы делиться с окружающими. Потом долго и тщательно занималась своим телом, лицом и волосами, испытывая почти эротическое наслаждение от сознания того, какой свежей и красивой она становится.

Ближе к вечеру Тамара позвонила Бастрыге и

спросила, не задерживается ли он. Узнав, что нет, заказала ему кое-какие продукты и бутылку чилийского вина. Она разговаривала с любовником сухо и холодно, не желая показать ему, что соскучилась. Мужчин нельзя баловать. Их нужно держать в узде, иначе они начинают своевольничать и позволять себе лишнее.

За этими делами незаметно стемнело, пришлось включить свет. Тамара сделала это абсолютно голая и только потом задернула шторы. Ее приятно будоражила мысль, что кто-то мог видеть ее из дома напротив, пока она шла к окну. Она вся была как наэлектризованная.

К приходу Бастрыги она выпила две чашки кофе и оделась так, словно собиралась на работу, только колготки не натянула, заменив их единственными чулками на липучках, имевшимися в ее гардеробе. Он удивился, застав ее в таком виде.

— Ты уходишь?

— Нет, — ответила Тамара. — Была намечена одна встреча, но она отменилась.

— Встреча? — переспросил Бастрыга. — С кем?

— Один симпатичный молодой человек.

Он испытующе взглянул на нее. Она вызывающе улыbnулась.

— Странная ты какая-то сегодня, — буркнул Бастрыга.

Он уже повесил мокрый плащ и разулся, оставшись в костюме и домашних тапочках.

— Ревнуешь?

— С какой стати?

Пожав плечами, Бастрыга хотел пройти в комнату, но Тамара схватила его за рукав:

— Подожди. Поцелуй меня.

Он удивленно посмотрел на нее, но подчинился. Тамара впиалась в его губы, прижавшись к нему всем телом. Поскольку она была в сапогах, ей не пришлось привставать на цыпочки.

— Пойдем в спальню, — глухо произнес Бастрыга, когда немного отдышался.

— Нет, — возразила она. — Я хочу здесь.

— Но это неудобно.

— Никто тебя не заставляет.

Усмехаясь, Тамара толкнула его в плечи. Он отступил на шаг и тут же набросился на нее, проделав все именно так, как она и хотела: быстро, грубо, беспорядочно, страстно. От избытка чувств Тамара даже вскрикнула, а Бастрыга совсем запыхался и изнемог, потому что ему пришлось стоять и двигаться на полусогнутых ногах. Но ему тоже понравилось, потому что, выйдя из ванной, он заявил, что им надо чаще экспериментировать.

— Еще чего! — поморщилась Тамара. — Ты не в борделе.

Она давно забыла, что квартиру ей купил Бастрыга, и считала, что находится на своей жилплощади, а он приходит в гости. В какой-то мере так и было, потому что он часто ночевал у родителей, где у него имелся собственный кабинет. Тамара не возражала. Она ценила свободу и уставала от постоянного общения с одним и тем же мужчиной.

И ей очень не понравилось, когда за ужином он спросил:

— Так про какого симпатичного человека ты мне хотела рассказать?

Тамара высокомерно вскинула бровь:

— Я? Хотела?

Бастрыга неспешно прожевал кусок, вытер губы, отложил салфетку и заговорил:

— Томочка, ты взрослая девушка и вправе иметь личную жизнь. Я не возражаю. Но, если ты предпочитаешь жить самостоятельно, то будь, пожалуйста, последовательной. Собери вещи, помаша дяде ручкой и отправляйся в самостоятельное плавание.

— Никуда я из своей квартиры не пойду! — заявила Тамара.

Бастрыга бесстрастно уставился на нее:

— Почему ты решила, что эта квартира принадлежит тебе, дорогая?

От того, как было произнесено слово

«дорогая», на сердце у Тамары не потеплело.

— Ты сам мне ее подарил, — произнесла она с некоторым сомнением, которое породил в ней любовник.

— Да, но документы находятся у меня, — сказал он, наливая себе вина.

Это был шах и мат. Тамара не собиралась возвращаться к родителям или мыкаться по съемным квартирам. Ей вообще не улыбалась перспектива остаться без покровителя и существовать на собственные крайне скудные средства. Нужно было срочно исправлять положение. Эта партия была проиграна. Оставалось лишь признать свое поражение и пойти на попятную, правда, не теряя лица и достоинства.

— Что за манеры, Леня! — скривилась Тамара. — Бокал дамы пуст, а ты даже не замечаешь?

Взявшись за бутылку, Бастрыга бегло улыбнулся, прежде чем слово в слово повторить тот вопрос, из-за которого возник конфликт:

— Так про какого симпатичного человека ты мне хотела рассказать?

Это было предложение начать все сначала, и Тамара поспешила его принять:

— Сегодня ко мне обратился Игорь Красозов, — начала она.

По лицу Бастрыги пробежала тень.

— Родственник тех самых Красозовых? — спросил он.

— Да, — подтвердила Тамара. — Сын.

— Что ему от тебя надо?

— Ему попала статья, которую я написала про ограбления. Игорь Красозов решил отыскать три остальные семьи и порасспрашивать их о случившемся...

— Черт знает что такое! — Бастрыга отодвинулся от стола так порывисто, что вино пролилось на стол, оставив рубиновые лужицы. — Только доморощенного сыщика нам не хватало! А ведь я просил тебя не затрагивать эту тему, Томочка! Тебе других убийств мало?

— Мало! — подтвердила Тамара, отлично усвоившая, когда мужчинам следует уступать, а когда можно поупираться. — Ты же знаешь, как мне важно выделиться. Это был мой шанс.

— По правде говоря, я жалею, что ввел тебя в курс дела.

— Почему? Что плохого в том, что меня разыскал этот Красозов? Он совершенно не опасен, уверяю тебя, Леня.

Бастрыга встал, сделал несколько шагов по комнате и вернулся на место. Одним глотком допив вино, он сказал:

— Я тоже так считаю. Тем не менее меня это настораживает.

— Да ты просто ревнуешь! — рассмеялась Тамара.

Она вспомнила, как в ней возникло неожиданное и безрассудное желание отдаться Игорю Красозову на лестничной площадке, и ей стало весело. Знал бы любовник, кого она себе представляла на его месте, пока он усердствовал, убажывая ее в прихожей!

— Возможно, — признался Бастрыга, хмурясь. — Ты вот что, Тома, дай мне телефончик этого Игоря. Хочу проверить по базе данных, что он за фрукт.

Тамара помедлила. Подчиниться? Сказать, что у нее нет номера?

Внутренняя борьба длилась недолго.

— Пожалуйста, — пробормотала Тамара, включая мобильник.

А сама подумала: «В следующий раз, Ленечка, стоя меня поймешь не ты, нет, не ты!»

VIII

Удивительно, как много хранит наша память ненужных, казалось бы, подробностей и мелочей! Отправившись в путешествие по некогда родному Артемову, Игорь то и дело натыкался взглядом на приметы прошлого, вспоминая вещи, которые воскрешали образы былого. Вот здесь он подждал

свою первую любовь, пряча за спиной букет дурацких тюльпанов, наполовину осыпавшихся еще до того, как были вручены. А здесь он пытался бежать от милиционеров, но был настолько обкурен, что упал и пришел в себя только в отделении. Этот сквер был излюбленным местом прогулок студенческой компании Игоря. В этом кинотеатре он смотрел все новинки, выпросив деньги у родителей...

Ах, папа и мама, мама и папа! Как же одиноко без вас на этом свете. Пока они были, Игорь всегда знал, что есть люди, которым он не безразличен, которые всегда примут его, приласкают, накормят и поймут, что бы он ни совершил. А теперь он остался совсем один. Не на кого рассчитывать, некому жаловаться, не у кого спросить совета.

И кто-то должен был за это ответить. За ту боль, одиночество и безысходность, которые поселились в душе Игоря.

Первый адрес находился совсем рядом с центром, так что дорога туда заняла минут двадцать. Игорь шел пешком, освежая голову и легкие после многодневного затворничества в четырех стенах. Перейдя трамвайные пути, он углубился в тесные дворики, в которых все выглядело так же, как в былые времена... Нет, тогда не было такого количества дорогих иномарок, граффити на стенах и пестрого мусора,

разбросанного повсюду.

Найдя нужный подъезд, Игорь поэкспериментировал с затертыми кнопками замка и проник внутрь. Открыла ему тощая женщина лет сорока, по какому-то недоразумению сохранившая легкомысленную прическу, которую носила в девичестве. Она не спросила «кто там», а просто распахнула дверь и вопросительно уставилась на Игоря. Его ноздри уловили запах густого перегара.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался он. — Я вот по какому вопросу...

И развернул перед женщиной газетную страницу с заголовком «Почерк нелюдей».

— И что? — спросила она, покосившись на газету.

— Моих тоже, — неловко выговорил Игорь. — Мы как бы товарищи по несчастью.

— Выпить хочешь, товарищ по несчастью?

— Не могу. Мне еще к остальным наведаться надо. Кто со мной говорить станет, если я пьяный заявлюсь.

— И то так, — согласилась женщина. — А я выпью, потому что мне идти никуда не надо. Проходи.

Расположились они в тесной кухоньке, заставленной пустыми и полными бутылками. Женщина, представившаяся Милой,хватила полстакана и моментально окосела до такой степени,

что предложила спеть вместе какую-нибудь хорошую песню. «В другой раз», — пообещал Игорь и приступил к расспросам, торопясь успеть, пока Мила не опьянела окончательно.

Ее рассказ добавил одну существенную деталь к сложившейся картине серийных преступлений. Мать Милы и ее отчим намеревались перебраться в Артемов на постоянное жительство из деревни, где они до сих пор разводили свиней, индюков и держали пасеку.

— Короче, накопили денег и решили, что хватит с них деревенской жизни, — монотонно бубнила Мила, которую начало клонить в сон, несмотря на то, что время было еще совсем раннее. — Нагорбатились, наломались. Хотим, мол, провести последние годы в чистоте и покое. Присмотрели где-то объявление о продаже квартиры и прикатили. А я, признаться, повздорила с отчимом. — Мила подперла щеку кулаком и плеснула себе в стакан водки с таким едким запахом, что ассоциировался он не с застольем, а с вредным химическим производством. — Он меня стал за чекушку отчитывать, ну, я ему на дверь и указала. Я человек гордый.

— Понятное дело, — кивнул Игорь с глубокомысленным видом, а сам подумал, что, судя по запросам Милы, чекушкой там дело не ограничилось.

— Так вот, — продолжала она, — отчим за порог, и мать за ним. В следующий раз я их уже мертвыми увидела. Они квартиру сняли, посуточно. Там их и... — Мила изобразила выстрелы из воображаемого пистолета. — Денежки, естественно, тью-тью. А все из-за упрямства и гордости дурацкой.

— Конечно, — сказал Игорь, отметив, что себя Мила называет человеком гордым, тогда как подобное качество у других осуждает.

Ханжество — один из самых распространенных человеческих недостатков.

— Что за квартиру они собирались купить? — поинтересовался Игорь между делом.

Мила дернула тощими плечами в растянутой, сползающей футболке с графическим портретом то ли Мэрилин Монро, то ли Мадонны.

— Да что я, помню? — проямлила она, уставившись в стакан. — Какая теперь, нахрен, разница? Слушай, может, все же выпьешь малехо? Помянем мамочек наших дорогих. — Ее тон стал тошнотворно-слезливым. — Растили нас, растили...

На самом деле она произнесла последнее слово как «рóстили», с ударением на первом слоге.

Игорю сделалось тошно, как будто он заглотил пол-литра отвратительного водочного пойла.

— Не могу, — твердо сказал он, вставая. —

Труба зовет.

— Трубы не зовут, а горят, — сострила Мила, сопроводив незатейливую шуточку визгливым смехом. — Оставайся, говорю. Я сегодня добрая. Угощу тебя не только водкой...

«А еще и селедкой», — добавил Игорь мысленно.

— Нет, извини.

Он решительно направился к выходу.

— Ну и катись, импотент несчастный! — завопила Мила ему вслед. — Ты же алкаш, я тебя насквозь вижу! Подшился, да? А корчишь из себя гордого!

Опять она о гордости заговорила. Больная тема для тех, кого одолевают всевозможные комплексы неполноценности.

Выскочив на улицу, Игорь некоторое время просто стоял на месте, глотая свежий воздух. Дышать им было так приятно после затхлой атмосферы Милиного логова. Игорю поневоле вспомнилось, как он сам пьянствовал в первые дни после похорон, и ему стало гадко. Это был не только стыд за свое поведение. Было неприятно осознавать, что политика двойных стандартов присуща и ему, Игорю. Когда пил он, это оправдывалось стрессом. Когда то же делала Мила, это вызывало в нем праведный гнев.

Не судите и не судимы будете. А если уж не

получается, то судите себя в первую очередь.

Второй визит получился удачнее. Игорь встретился с молодоженами. Белесая, опухшая от слез девушка с траурной лентой в волосах все больше шмыгала носом и промокала глаза платочком, тогда как ее супруг довольно обстоятельно поведал, как погибли его тесть и теща.

Как и предвидел Игорь, их ситуация была очень похожа. Заготовленные на покупку квартиры деньги. Непонятно как проникшие в квартиру грабители. Скотч на ртах, чтобы заглушить крики. Зверские пытки. Мусорные мешки. Выстрелы в упор. Никаких зацепок.

Отличие состояло в том, что мать безутешной девушки прожила в коме почти два месяца.

— У нее пуля в мозгу сидела, — пояснил парень, поглядывая на всхлипывающую жену. — Врачи сразу сказали: никаких шансов. Но три дня назад она пришла в себя и позвала Валю. Бульону попросила. Куриного.

— И умерла-а-а! — разрыдалась безутешная Валентина. — Я побежала бульон варить, а она-а-а...

— Несчастье какое, — пробормотал Игорь, мучаясь от невозможности помочь чужому горю.

— А-а! — выла Валентина, уткнувшись в платок. — Как ты могла-а-а... Я даже не

попрощалась с тобой, мамочка моя-а-аа!

— Вот, сижу теперь с ней, — буркнул парень, вставая. — Отпуск без содержания пришлось взять. — Он неловко приобнял плачущую жену. — Вы извините, Игорь, но лучше прервать наше общение. Сами понимаете...

— Понимаю, — подтвердил Игорь, кивая. — Один вопрос. У вас сохранился адрес квартиры, которую собирались покупать родители?

— Это сюрприз был. Свадебный подарок...

Последние слова совсем добили несчастную Валентину, так что Игорь был вынужден ретироваться. Адрес удалось выяснить в последнем пункте этого невеселого круиза. Правда, там пришлось довольствоваться беседой с соседями, потому что дети покойных улетели отдыхать в Турцию.

— Папка с мамкой в земле, а эти на песочке морском нежатся, — заключила со злостью Жанна Георгиевна — пожилая женщина, остановленная Игорем возле подъезда.

В разговор она вступила охотно и на протяжении его старалась дать понять Игорю, что все про него знает: «Мол, ты думаешь, полицай, что зашифровался, а я тебя насквозь вижу с подходами твоими».

— Каждый горе переживает по-своему, — философски заметил Игорь.

— Ага, горе, как же. Вы, когда они вернутся, поинтересовались бы, на какие шиши эти умники за границу намылились. И не следы ли заматают?

— Следы?

— Сами родителей убили и деньги забрали, — убежденно произнесла Жанна Георгиевна.

— Почему вы так думаете? — осторожно спросил Игорь.

— Больше некому, вот почему.

Пожилой женщине с морковными волосами и лицом злобной одряхлевшей гейши эта логика представлялась железной. Игорь хотел напомнить, что это убийство было лишь звеном в цепи подобных, но воздержался. Такие жанны георгиевны терпеть не могут, когда им указывают на их ошибки. Усомнился в их компетентности, и вот ты уже злейший враг.

— Так и запишем, — многозначительно произнес Игорь и взглянул на собеседницу с соответствующим прищуром. — А вы, как я погляжу, человек бдительный и наблюдательный, Жанна Георгиевна. Наш человек.

— А вы бы взяли меня в осведомители, — прогнусавила она заговорщицки, стреляя узкими затушеванными глазками по сторонам. — Я вам и не такое порасскажу.

— Ну, сам я человек штатский, как вы понимаете. — Тут Игорь ослабился, как бы говоря:

ну да, валяю дурака, ничего не попишешь, служба такая. — Но мало ли с кем меня судьба столкнет сегодня или завтра. — Он подмигнул. — Тогда замолвлю словечко. Но сперва хотелось бы убедиться в вашей компетентности, Жанна Георгиевна.

— Я компетентная, — заверила она. — Очень даже компетентная.

— Тогда, возможно, вам известен адрес квартиры, которую собирались приобрести покойные?

Расцветшая Жанна Георгиевна как-то подувяла.

— Адрес не скажу, — выдавила она из себя с сожалением. — Вот только улицу помню. Они, Ромашовы, накануне Раисе с третьего этажа хвастались, что, значит, квартиру замечательную присмотрели на улице Университетской...

— На Университетской? — строго уточнил Игорь.

Получив подтверждение он с облегчением распрощался с Жанной Георгиевной и торопливо скрылся за углом. Впереди ждало новое дело. Нужно было созвониться со следователем Греховцом и рассказать то немногое, что удалось выяснить.

Может быть, это поможет расследованию? Игорю очень хотелось, чтобы так оно и произошло.

IX

Услышав о желании Игоря встретиться, следователь Греховец помычал в трубку невнятно, потом осведомился:

— А вы, случаем, не подшофе, Игорь Александрович?

— Обижаете, Константин Эрнестович.

— Эдуардович.

— Извините.

— Ничего, — сказал Греховец. — Хотя пора бы уже запомнить.

— У меня плохо обстоят дела с отчествами, — признался Игорь. — Постоянно путаю.

— Да? А я думал, это вы меня специально дразните.

— Нет. Честное слово.

— Что ж, рад слышать. Вы сейчас где находитесь, Игорь Александрович?

Игорь объяснил. Греховец назначил ему встречу на площади Ленина, возле фонтана.

— Я тут рядом, — пояснил он. — На работе сегодня только к ночи появлюсь. Дел, знаете ли, невпроворот. Сплошные тяжкие с отягощающими. Я имею в виду преступления. И куда только мир катится?

— Не знаю, — пробормотал Игорь.

Лично он не считал, что мир и его обитатели

меняются в худшую сторону. Всяким скептикам пожить бы немного в средневековье, когда то чума, то набеги, то засуха. Или в древние времена с его рабовладением и прочими удовольствиями. Нет, человечество проделало над собой огромную работу с тех пор, когда проламывало камнями черепа ближних своих просто за жирный кусок или сочный корешок. Не все люди и не везде, правда, развивались равномерно, однако определенный прогресс был налицо.

«Ты это убийцам своих родителей расскажи», — ехидно предложил Игорю внутренний голос.

— Я вот тоже не знаю, — развивал мысль следователь Греховец. — Начитаешься за день протоколов, насмотришься крови, а тебе по телевизору опять — смерть, насилие, трупы. Клоака.

— Но вы же подчищаете помаленьку, — напомнил Игорь. — Вот, может, еще одно убийство раскроете. Даже сразу четыре.

— Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона, — проворчал Греховец. — Ладно, Игорь Александрович, подъезжайте. У меня времени в обрез.

Через пятнадцать минут они сошлись на главной площади Артемова, украшенной изваянием вождя на гранитном постаменте. Вождь держал в

кулаке смятую кепку, а свободной рукой указывал в необозримые дали, где ему виделась победа пролетариата над буржуазией. Пролетариата стало мало, зато буржуазии — хоть отбавляй, но это не смущало каменного вождя, указывающего в прежнем направлении.

«Верной дорогой идете, товарищи!»

— Что вы хотели мне рассказать? — спросил Греховец, прогуливаясь рядом с Игорем.

Плиты под их ногами были мокрые и скользкие, дул пронизывающий ветер, носивший стаю голубей из одного края площади в другой.

Игорь поведал, как прочел статью в газете, как встретился с автором, взял адреса всех потерпевших и решил побеседовать с ними.

— Это все к делу не относится, — перебил Греховец. — Что вам удалось выяснить важного? Конкретно.

— Разве этого мало? — удивился Игорь. — Было четыре нападения, а не одно. Это значит...

— Ни черта это не значит! Был бы я человеком грубым, я бы посоветовал вам не совать нос, куда вас не просят. Расследование ведут профессионалы, а не всякие дилетанты, тем более, пристрастные.

— Я просто хотел ускорить...

— Хотели, как лучше, а получилось, как хуже. — Греховец поморщился. — Если все четыре

дела объединить в одно, то получится винегрет. Вам оно надо?

— Мне? — опешил Игорь. — Винегрет?

— Вы хотите, чтобы убийцы были преданы суду и понесли заслуженное наказание? Вот, в чем вопрос, Игорь Александрович.

— Не понимаю...

— А все предельно просто, — сказал Греховец. — Как только все четыре дела будут объединены в одно, это будет уже не заурядное ограбление с убийством. Примчатся кураторы из Генеральной прокуратуры, начнутся звонки сверху... Дело у меня заберут, поручат расследование какому-нибудь ловкачу. Установка будет такая: в срочном порядке отрапортовать о закрытии дела, чтобы успокоить начальство и общественность. — Греховец повернул голову, чтобы видеть реакцию Игоря на свой монолог. — Поймают парочку каких-нибудь шавок, застрашают их и повесят все мокрухи на них. А настоящие преступники будут на свободе гулять. Такой финал вас устраивает?

— Нет, — возразил Игорь. — Ни в коей мере.

— Тогда прекратите эту самодеятельность. Наберитесь терпения и ждите. Виновные не уйдут от ответственности, это я вам твердо обещаю. Ну, договорились? По рукам? — Греховец выставил вперед ладонь, приготовленную для

рукопожатия. — Со своей стороны заверяю: я сделаю все возможное, чтобы убийцы ваших родителей понесли заслуженное наказание. Карающий меч правосудия и все такое...

Лучше бы ему не произносить последнюю фразу. Игорь, уже готовый пожать протянутую ладонь, сделал вид, будто поправляет шарф. В его мозгу вспыхнула красная лампочка тревоги. Греховец был настолько уверен в своем умении влиять на людей, что даже не слишком утруждал себя актерской игрой. Реплика про карающий меч правосудия прозвучала так, словно следователь едва удержался от саркастической улыбки.

— Я не согласен, — заявил Игорь.

Следователь опешил.

— С чем вы не согласны? С необходимостью покарать?

— Нет, это как раз я поддерживаю. Но я считаю, что огласка пойдет делу на пользу.

— Это почему же?

Греховец остановился, уставившись на Игоря. Взгляд его был недобрый.

— Контроль сверху ускорит следствие, — заявил Игорь.

— Вот, значит, как?

— Да. Таково мое мнение.

— А вот я другого мнения, — заговорил Греховец медленно и монотонно, отчего речь его

звучала особенно внушительно и угрожающе. — Мне начинает казаться, что вы пытаетесь совать палки в колеса следствия. — Он махнул рукой, показывая, как вертятся упомянутые колеса, и получилось похоже на жернова или мощные шестерни. — И я задаюсь вопросом: зачем это вам понадобилось, Игорь Александрович. Вывод напрашивается неутешительный. Плохой, прямо скажем, вывод.

— И какой же? — осведомился Игорь, враждебно глядя на следователя.

Тот ткнул его пальцем в грудь и продолжал это делать на протяжении последующей тирады:

— В моей практике родственники потерпевших очень часто оказываются на скамье подсудимых, заруби это себе на носу, умник! Бегает такой деятель по кабинетам, требует убийц любимой супруги найти. Жалобы строчит, заявления. А потом, глядишь, он сам убийца и есть.

— Как вы смеете! — зашипел Игорь, понимая, что если потеряет контроль над собой, то совершит непоправимое. — Что это еще за гнусные намеки?!

— Полегче на поворотах, — предупредил Греховец, постепенно продвигаясь вперед и тем самым вынуждая собеседника отступать под его напором. — Я порылся для интереса в базе данных. Очень интересная биография вырисовывается у гражданина Красозова Игоря Александровича. Под

судом и следствием не состоял, однако же прошлое у него темное. — Следовательский палец в очередной раз воткнулся в грудь Игоря. — С душком прошлое. И если копнуть как следует, там может такое открыться... Что, чувачок, побледнел? Не нравится? Тогда не зли меня. — Греховец толкнул Игоря ладонью. — Сиди тихо и не высывайся. Иначе наживешь себе крупные неприятности. Понял? Понял, я тебя спрашиваю?

Люди, находившиеся на площади, начали поглядывать на них, определяя, насколько серьезен конфликт между этими двоими. Не подерутся ли к полному удовольствию присутствующих?

Это охладило Игоря. Он сунул руки в карманы куртки, чтобы не дать им волю.

— Понял, — буркнул он.

— Вот и отлично, — заговорил Греховец совсем другим тоном. — А то беспокоите меня по пустякам, Игорь Александрович, работать мешаете. Тем самым вы сами не даете мне сосредоточиться на поисках преступников. Я очень надеюсь, что это больше не повторится. Вы же умный человек. Вот только выдержки вам не хватает. Выдержки и доверия к правоохранительным органам. Мы сами во всем разберемся. Это наша работа.

— Понял, — повторил Игорь.

Его кулаки, спрятанные в карманах, были твердыми, как камни.

— Я рад, что мы достигли взаимопонимания. — Пятерня Греховца, подобно плоской рыбине, выплыла ниоткуда и застыла. — В таком случае, до свидания.

— До свидания.

Игорь заставил себя подержаться за влажную, холодную ладонь следователя.

— Если что, обращайтесь, Игорь Александрович. Но не слишком часто. — Следователь погрозил пальцем и растянул губы в улыбке. — Не буди лихо, пока тихо, как говорится.

Он ушел энергичной походкой делового человека, сознающего всю важность своего присутствия в этом мире. Игорь, не двигаясь с места, долго смотрел ему вслед. Потом достал телефон и набрал Тамару Виткову.

Х

В ожидании встречи с журналисткой пришлось погулять по центру часа полтора, периодически прячась от дождя то в магазинах, то под навесами автобусных остановок. Тучи сливались с туманом, отовсюду сквозило, моросило, капало. Но Игорь любил такую погоду. Для человека, ценящего одиночество, дождливая погода была естественным состоянием. Гораздо хуже Игорь чувствовал себя в разгар лета, когда

некуда было деться от духоты, зноя и всепроникающего, слепящего солнца. Принимать солнечные ванны где-нибудь на берегу моря — это одно, а изнывать от жары в городе — совсем другое.

Оказываясь среди людей в магазине или на остановке, Игорь насмешливо слушал, как они, словно сговорившись, ругают дождь. Мокрые зонты, мокрая одежда, хлюпающая обувь. Жители Артемова проходили свое крещение в осенней купели.

Подняв воротник, Игорь в очередной раз нырнул под морозящий дождь.

Кафе, где Тамара назначила встречу, находилось в центре, но несколько в стороне от главных магистралей, поэтому здесь было тихо и относительно безлюдно. В этом районе Игорь бывал довольно часто в прежние времена. Когда-то здесь размещался один из первых компьютерных клубов Артемова, где компания Игоря торчала все свободное время. Для этого требовались деньги, и он добывал их любыми способами.

Как правило, нечестными.

Например, угаивал сдачу, когда его посылали в магазин. Или завышал курс, если мама поручала ему приобрести сотню-другую долларов. Но главный источник доходов крылся в отцовских карманах. В те годы отец нередко выпивал по